

В ПОТЕ ЛИЦА ТВОЕГО...

Р.М. Гусейнов

д-р экон. наук, профессор

Боюсь обидеть многих преподавателей и выпускников САФБД, но российская экономика стоит на пороге крупных структурных изменений, в результате которых общественный интерес к торговой, финансовой и посреднической деятельности будет падать, а уважение к труду в материальном производстве – возрастать. Подозреваю, что мы вступаем в период, когда инженер, конструктор, технолог, квалифицированный рабочий займут те почетные места в обществе, которые сейчас занимают very important persons из среды банкиров, оптовых торговцев и риелторов. С прискорбием сообщаю также, что очень скоро инженерное образование станет престижнее экономического и финансового. Читатель, следящий за нашими публикациями, легко догадается о причинах моей уверенности: в истории все это уже было...

Экономист, какой бы отраслью науки он ни занимался, так или иначе разрабатывает проблемы производства. Но мало кто задумывался о том, что производство вообще, а тем более производство общественное – очень молодое явление, потому и плохо понимаемое большинством из нас. Люди ученые, как ни странно, лишь недавно стали изучать сферу материального производства как источник богатства. Честь первооткрывателей «естественного богатства» принадлежит не им, а пророкам и религиозным деятелям.

Большую часть своей истории человек ничего не производил, потребляя то, что в готовом виде давала ему природа. Охота, рыболовство и собирательство – вот сферы обычной человеческой деятельности в течение многих тысяч лет. С экономической точки зрения, большую часть человеческой истории занимала огромная эпоха потребляющего хозяйства.

Нет, не будем преувеличивать и утверждать, что в доцивилизационные времена люди ничего не производили вообще. С тех пор как человек прожарил для себя кусок мяса и соединил два куска шкуры, превратив их в подобие плаща, он уже начал производственную деятельность, но эта деятельность долго носила характер инстинктивных импульсов. Правда, человек отличался от животных хотя бы тем, что заботился не только о себе, но и об общине, добычу съедал не на месте охоты, а нес в пещеру для всех. И это уже показывало, что на земле появились разумные существа, которых мы гордо именуем Homo sapiens.

Но присвоить примитивной хозяйственной деятельности статус производства затруднительно, потому что производство – это сознательное, постоянно повторяющееся преобразование веществ и сил природы с заранее поставленной целью создания материальных и нематериальных благ, способных удовлетворить возрастающие человеческие потребности. Такого рода производство появилось совсем недавно – всего каких-то десять – двенадцать тысяч лет назад. Из двух с половиной миллионов лет существования человека на земле!

Особенно бурно процесс перехода к производящему хозяйству протекал в VI–IV тысячелетиях до Рождества Христова, в период так называемой неолитической революции. С этим периодом связан переход к оседлости и соответствующей ей форме хозяйства, когда человек не просто присваивает предметы потребления, а воспроизводит их. Именно переход к воспроизводству благ, то есть к постоянному сознательному повторению процесса производства, и придает неолитическим преобразованиям характер революции.

Неолит принес человечеству возможность сделать первый шаг на пути к свободе. Правда, пока только к сво-

боду от господства сил природы. Люди начали понимать, что произведенные материальные блага, особенно те, которые можно накапливать, – это и есть богатство.

Лишь с Аристотеля (IV в. до Р. Х.) начинается традиция теоретического поиска источника общественного богатства. Рассматривая экономику с этической точки зрения, Аристотель обнаруживает две формы богатства – нравственную (экономика) и безнравственную (хремастика). Экономика, по Аристотелю есть хозяйствование – натуральный производственный процесс, имеющий своим результатом создание потребительной стоимости, вещи, пригодной для потребления. Хремастика же – искусство делать деньги, обогащение с помощью купли и продажи товаров – по мнению Аристотеля, не есть естественный источник богатства. Аристотель не сомневается в том, что нравственно обогащаться благодаря затратам труда и безнравственно – путем купли и продажи результатов труда.

Если для Аристотеля физический труд хоть и нравственен, но является уделом низших классов общества и рабов, то уже для средневековой религиозной литературы характерна апология трудовой деятельности. «В поте лица твоего ешь хлеб твой» – один из самых распространенных мотивов христианской литературы. Для Фомы Аквинского (XIII в.) трудовое происхождение не только богатства вообще, но и ценностного богатства – уже общее место.

Мы привыкли считать, что первую модель стоимостного обмена, связанного с величиной затрат труда, дал в XVII в. Уильям Петти. Это не вполне соответствует действительности. Фома без обиняков пишет, что если обувь обменивается на дом, то этот обмен должен производиться в пропорции, в которой строитель превосходит сапожника в затратах труда и расходах.

Выдающийся арабский мыслитель Ибн Хальдун (1332–1406) прямо указывает на трудовое происхождение стоимости: «Большая часть того, что человек накапливает и из чего извлекает непосредственную пользу, равноценна стоимости человеческого труда». Ему даже не чуждо понимание того, что в стоимости отражаются не индивидуальные, а общественно необходимые затраты человеческого труда: «Стоимость дохода определяется затраченным трудом, местом, которое данное изделие занимает среди других видов изделий, и необходимостью его для людей».

Однако сколь бы ни были гениальны их догадки по поводу происхождения богатства, мыслители средневековья оставались на позициях натурально-вещного его понимания. Лишь в более позднюю эпоху, по мере развития товарно-денежных отношений, все больший интерес вызывает стоимостная форма богатства

и наиболее развитая его форма – денежная. Появляется первая школа буржуазной экономической мысли – *меркантилизм*, которая доходит до другой крайности: только деньги есть богатство.

В различные периоды государства накапливали деньги разными способами. В XV–XVI вв. большие надежды возлагались на административное решение проблемы. Европейские государи и правительства с помощью декретов и полицейских мер ограничивали вывоз золота из страны и стимулировали ввоз денежного материала из колоний. Достаточно скоро наступило и первое разочарование в таком подходе к богатству. Когда в XV – начале XVI в. вожденное золото хлынуло из Америки в Европу, казалось, что вот-вот наступит период всеобщего процветания и обогащения. Но ничего подобного не произошло. Вместо реального процветания европейские народы столкнулись с первой инфляционной «революцией цен». И начали осознавать, что много денег – это еще не полное счастье.

Нельзя сказать, что ученые люди той эпохи не понимали значения производства. Даже в ранних меркантилистских трактатах купец всегда соседствует с ремесленником, промышленником. Дело только в смене акцентов. Поздние меркантилисты, не выходя за пределы концепции денег как источника богатства, уже больше надежд возлагали на производство.

Воплощением этого «производственного» меркантилизма стали в Западной Европе *Томас Мен* (1571–1641) и *Никола Барбон* (1640–1698), а в России – великий мыслитель *Иван Тихонович Посошков* (1652–1726). Меркантилисты широко пропагандировали трудовую этику вполне в духе христианской морали. Труд у них при этом трактуется как один из источников богатства. Т. Мен в 1621 г. писал, в частности: «Труд делает некоторые страны, которые сами по себе бедны [природными ресурсами и драгоценными металлами. – Р.Г.], более богатыми и сильными с помощью других стран, которые имеют больше возможности, но менее трудолюбивы». А далее и совсем «классически»: «... всем нам в целом и каждому в отдельности следует напрячь все силы ума и сообразительности для того, чтобы помочь увеличению естественного богатства страны с помощью труда и развития ремесел».

В этом высказывании мы видим еще одно доказательство того, что общепринятое мнение о меркантилистах как идеологах исключительно торгового капитала не вполне верно.

И таких примеров не счесть. Анонимный автор 1622 г. пишет без обиняков: «В превращении сырых материалов в промышленные изделия заключается такое огромное богатство и устойчивое накопление денежных средств, что это не поддается изображению... Полученное таким путем богатство превосходит золото, добытое из рудников».

Некоторые представители меркантилизма предвосхищали достижения вполне современной экономической теории. Отметим в этой связи небольшой трактат *Никола Барбона* «Очерк о торговле» (1690). В противовес многим меркантилистам, обуреваемым «государственным восторгом», он – явный сторонник свободы торговли, полный оптимизма по поводу развития рыночных отношений и рассуждающий так: поскольку товары воспроизводимы, постольку они неистощимы. «Имущество человека конечно, а запасы природы бесконечны и никогда не могут быть истощены. А то, что бесконечно, не

может ни увеличиваться от бережливости, ни уменьшаться от расточительности».

В свете современных экологических проблем оптимизм Барбона выглядит злой иронией. Но на самом деле он совершенно прав. Бездумное отношение к природе может сделать «конечным» человечество, но не саму природу, которой вообще-то все равно, как к ней относится человек.

Острый взгляд практикующего бизнесмена и ученого позволил Барбону увидеть в стоимости товара многофакторное явление. Он прекрасно понимает, что в стоимости надо искать трудовое содержание, и этим предвосхищает классическое понимание экономических явлений: «Цена, назначаемая ремесленником, составляется подсчетом стоимости материалов и времени, затрачиваемого на работу. Цена времени соответствует ценности искусства и труда ремесленника». При этом он видит, что «стоимость всех товаров проистекает из их полезности. Бесполезные вещи не имеют никакой ценности, или, как говорят по-английски, они не хороши ни для чего».

Может возникнуть подозрение, что Барбон путает стоимость с ценой. Но и это не так. Он увидел то, чего не замечают многие современные экономисты: стоимость – это скрытая от глаз потенция, цена же – актуализованная (выявленная и измеренная с помощью денег) стоимость. Впрочем, «лучшим судьей ценности товаров является рынок, так как при стечении покупателей и продавцов лучше всего узнается количество товаров и потребность в них. Вещи стоят как раз столько, за сколько их можно продать».

Вряд ли тут найдутся серьезные аргументы для возражений. А ведь это написано задолго до Адама Смита.

Ярким представителем экономической науки периода разложения меркантилизма и одним из основателей классической политэкономии стал английский экономист *Уильям Петти* (1623–1687), автор многочисленных экономических трактатов. Главный из них – «Трактат о налогах и сборах».

Мы уже упоминали о том, что мнение, будто У. Петти первым определил стоимость затраченным трудом, не вполне верно. Что не снижает значения трудов этого выдающегося человека, который действительно впервые стал искать законы экономической жизни, пытался объяснить «таинственную природу» денег, налогов, ренты, процента, цены земли и других явлений. Именно данное обстоятельство и делает его «отцом политической экономии», ибо Петти от эмпирического описания экономических явлений переходил к теоретическому абстрагированию, глубоко проникая в сущность экономической жизни. Врач по образованию, он считал общество политическим телом и искал закономерности его функционирования.

Хрестоматийно то место из «Трактата о налогах и сборах», где Петти разъясняет причины эквивалентного обмена товаров затратами труда: «Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он способен произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого».

Так экономисты XVI–XVII вв. готовили революцию классиков в политической экономии, смысл которой заключался в переходе от исследования сферы обращения к исследованию сферы производства как источника вещественного и стоимостного богатства. *В жизни и литературе должен был появиться новый герой – производственный капиталист и промышленный рабочий.*